

Посмертная жизнь представляет величайший интерес для всех, и не столько потому, что каждый из нас должен неизбежно умереть в своё время, сколько потому, что всем нам, за исключением разве самых молодых, приходилось хоронить дорогих для нас людей.

В виду этого все сведения, касающаяся посмертной жизни, должны несомненно интересоваться каждого человека.

МОЖЕТ ЛИ БЫТЬ ТОЧНОЕ ЗНАНИЕ ПОСМЕРТНОЙ ЖИЗНИ?

Посмертная жизнь представляет величайший интерес для всех, и не столько потому, что каждый из нас должен неизбежно умереть в своё время, сколько потому, что всем нам, за исключением разве самых молодых, приходилось хоронить дорогих для нас людей. В виду этого все сведения, касающаяся посмертной жизни, должны несомненно интересовать каждого человека.

Первая мысль, которая должна возникнуть в уме читателя при взгляде на заглавие нашей книги, должна сводиться к вопросу: могут ли вообще быть верные сведения относительно посмертного существования?

Существует много теорий, выработанных различными религиозными системами, а между тем, даже самые правоверные последователи этих религий едва ли верят в них, ибо большинство из них и до сих пор говорит о смерти как о чем-то "ужасном" и видит в ней какую-то страшную тайну. И хотя они употребляют выражение "успокоиться во Иисусе Христе", но тем не менее облакаются в черные одежды и мрачный креп, окружают свои письма черными рамками и вообще соединяют смерть со всевозможными выражениями горя, чтобы она казалась как можно мрачнее и ужаснее.

В этом смысле мы получили дурное наследство. Мы унаследовали эти похоронные ужасы от наших прадедов и так привыкли к ним, что даже не замечаем всей их нелепости. Древние народы были в этом отношении мудрее нас; они не соединяли всего этого мрака со смертью физического тела, и это потому, что у них были гораздо более разумные приёмы по отношению к покойникам, гораздо более благоприятные для умершего и более здоровые для живых; сжигание умерших уничтожало все тяжелые представления, связанные с медленным разложением. Кроме того, они знали гораздо более об истинном значении смерти и потому горевали гораздо менее, чем мы.

Прежде всего мы должны понять, что смерть есть совершенно естественное явление в общем течении нашей жизни. Это должно бы быть ясно для всех, кто верит, что Бог есть любящий Отец, который не может допустить, чтобы смерть, являющаяся одинаково ко всем, имела в себе что-нибудь дурное; верующие должны бы быть уверены, что в этом ли мире, или в другом — все должны быть невредимы в его руках; одно это соображение должно бы убедить, что в смерти не может быть ничего страшного, что она — лишь необходимый этап в нашей эволюции. В сущности, не было бы никакой необходимости напоминать христианам, что смерть — не враг нам, а друг, если бы они не забыли в таком совершенстве все свои лучшие традиции. Забыв их, они начали смотреть на могилу, как на "предел, откуда не возвращается ни один странник" и представлять себе, что смерть есть прыжок в какую-то страшную непознаваемую пустоту.

Освещая вопрос о смерти совершенно иначе, теософия приносит западному миру благую весть, которая утверждает, что по ту сторону могилы расстилается не мрачная пропасть, а мир иной жизни, которая может быть познана нами с такой же отчетливостью, как и земная жизнь. Подобно детям, пугающим себя страшными сказками, мы создали сами весь этот мрак, и как только мы начнем спокойно исследовать истинные факты, все эти искусственные облака рассеются и исчезнут сами собой.

Если уж сравнивать смерть с чем-нибудь, то никак не со страшилищем, вооруженным косою, а с ангелом, несущим золотой ключ, который отмыкает пред нами вход в более полную и

более совершенную область, чем наша земная жизнь.

На это могут возразить: "Это очень поэтично, но каким образом действительно убедиться, что это так?"

Можно убедиться в этом различными способами, если взять на себя труд и соединить все доказательства в одно целое. Шекспировское определение смерти как "предела, откуда не возвращается ни один странник", тем более странное, что в течение всей человеческой истории во всех странах, о которых мы имеем сведения, странники постоянно возвращались из этого "предела", показываясь своим близким. Доказательств таких появлений существует слишком много, чтобы не считаться с ними. Правда, одно время было модой высмеивать такие истории; но эта мода стала проходить с тех пор, как такие люди науки, как Уильям Крукс и Оливер Лодж, и такие общественные деятели, как Вальфур, присоединились к обществу, учрежденному для расследования посмертных явлений. Стоит прочесть отчеты "Общества Психических Исследований", чтобы иметь серьезные и проверенные свидетельства о возвращении умерших, если у кого ещё есть сомнение в этом вопросе. В книгах, вроде "Истинные истории привидений" Стэда или "Неизведанное" Камилла Фламариона, можно найти достаточное число отчетов и известий о подобных явлениях, бывших не 100 лет тому назад в какой-нибудь отдаленной стране, но здесь, среди нас; появлений, виденных лицами, которые живут и теперь, и которые могут засвидетельствовать реальность своих переживаний.

Другим видом доказательств посмертной жизни является исследование современного спиритизма. Я знаю, что многие люди не видят здесь ничего кроме шарлатанства и самообмана, но такой взгляд совершенно неверен. И шарлатанство, и самообман могли быть в некоторых случаях; тем не менее, в основе всех этих явлений лежит истина, которая может быть раскрыта любым человеком, готовым посвятить этому время и терпение.

И здесь на помощь сомневающимся может прийти обширная литература; или же, если кто предпочитает расследования из первых рук, тот может сделать их сам, как это делал в свое время и я. Многие из сомнеющихся не захотят дать себе столько труда и не пожелают пожертвовать столько времени; это их дело, но в таком случае они не имеют права поднимать на смех тех, которые убедились в появлении умерших личным опытом.

Третий способ исследования, который наиболее в ходу у теософов, это — непосредственное расследование; каждый человек обладает непроявленными способностями и неразвитыми чувствами, с помощью которых возможно познать мир, и для того, кто решится развить в себе эти силы, весь потусторонний мир будет раскрыт и доступен для познания. Я знаю, что это обещание очень смелое и что представитель любой из церквей скажет: "так учит церковь", или: "Библия говорит нам так", но он никогда не скажет: "я, говорящий с вами, видел и знаю, что это так". Но нам учения теософии дали возможность — по мере того, как мы применяли её методы к своему собственному развитию — лично узнать то, о чём мы говорим; многие из нас оказались способными сами исследовать целый ряд фактов, доступных при соблюдении известных условий для исследования каждого человека. Мы предлагаем вам то, что знаем, но при этом говорим: не довольствуйтесь нашими утверждениями, исследуйте эти явления сами, насколько это для вас возможно, ибо только тогда будете вы в состоянии говорить об этих вещах с такою же уверенностью, с какой говорим о них мы.

Каковы же те факты, которые раскрылись перед нами благодаря нашим исследованиям?

ИСТИННЫЕ ФАКТЫ

То положение вещей, которое существует в действительности, несравненно разумнее всех распространенных теорий. Оказывается, что с человеком после смерти не происходит никакой внезапной перемены, и что он вовсе не возносится в надзвездные небеса. Наоборот, человек остается после смерти тем, чем он был, в смысле сознания и всех имеющихся у него свойств и сил; и условия, в которых он продолжает жить, соответствуют как раз тому, что его собственные мысли и желания создали для него. В потустороннем мире нет ни наград, ни наказаний, налагаемых извне, там проявляется лишь результат того, что сам человек делал и думал во время своего пребывания на земле. Это истинная правда, что своею жизнью человек готовит для себя то, что он будет пожинать после смерти.

В этом мы имеем первый и наиболее важный факт; потустороннее состояние представляет для умершего совершенно новые условия жизни, но в то же время оно — лишь естественное продолжение здешней земной жизни. И мы совсем не разделены с умершими, ибо они здесь, около нас.

Вся разлука — следствие ограниченности нашего сознания, и мы теряем не любимых людей, а только способность видеть их. Но при этом вполне возможно расширить наше сознание настолько, чтобы увидеть их и беседовать с ними по прежнему; и все мы делаем это во время сна, хотя немногие из нас помнят об этом проснувшись. Человек может научиться сосредоточивать свое сознание в астральном теле и тогда, когда его физическое тело бодрствует, но это требует особого развития и для среднего человека нашей эпохи взяло бы слишком много времени. Но во время сна сознание каждого человека действует в большей или меньшей степени в его астральном проводнике; благодаря этому, мы ежедневно бываем с нашими умершими друзьями и иногда у нас сохраняется неполное воспоминание о встрече с ними; в последнем случае мы говорим, что видели их во сне, но чаще всего мы совсем не помним о таких встречах и потому не сознаём, что они имели место.

А между тем это несомненный факт, что все связи любви остаются столь же сильны, как и до смерти, и вполне естественно, что человек, освободившийся от цепей своей физической ограниченности, ищет близости тех, кого он любил. Перемена состоит главным образом в том, что вместо дня он проводит с ними ночь, и сознаёт их не физически, а астрально. Его страсти, привязанности, эмоции и интеллект нисколько не изменяются благодаря смерти, ибо всё это принадлежит не физическому телу, которое человек сбросил с себя; сбросив его, он продолжает жить в другом теле, но думать и чувствовать он способен так же, как и прежде.

Я знаю, как трудно для обыкновенного ума схватить реальность того, что мы не можем видеть нашими физическими глазами. Нам очень трудно понять, до чего ограничено наше зрение, трудно понять, что мы живем в обширном мире, из которого мы видим только небольшую частицу, а между тем и наука доказывает, что это так, ибо она описывает целые миры бесконечно малой величины, о существовании которых мы бы и не подозревали, если бы ограничились нашим собственным зрением. И существа этих невидимых миров не теряют своей значительности от того, что они бесконечно малы; знание условий и привычек некоторых из этих микробов необходимо для охранения нашего же собственного здоровья и даже самой жизни. Но наши чувства ограничены и в другом направлении: мы не способны видеть даже самый воздух, который окружает нас; нашему зрению он совершенно недоступен, и только когда он в движении, мы узнаём благодаря осязанию, что он существует. И тем не менее, воздух обладает могучей силой, которая может опрокидывать величайшие корабли и сметать с лица земли самые большие наши постройки. Этот факт должен бы предостерегать нас от широко

распространенного заблуждения, что видимое нами и есть всё, что существует вокруг нас.

Нас можно сравнить с людьми, запертыми в башню, а наши чувства с узенькими окошками, открывающимися в определенных направлениях. Во всех остальных направлениях мы не видим; но астральное зрение или ясновидение может дать нам несколько добавочных окон и таким образом расширить наш кругозор, раскрыв перед нами новый, более обширный мир, который в сущности — только часть того же прежнего мира, хотя мы совсем и не знали его до тех пор.

Если мы будем всматриваться в этот новый мир, что увидим мы прежде всего? На первый взгляд человек не увидит особенной разницы и может даже предположить, что смотрит на тот же земной мир. Отчего это так, можно объяснить лишь отчасти, ибо полное объяснение потребовало бы целого трактата на тему об астральной физике.^[1]

Совершенно так же, как на земле имеются различные состояния материи: твердое, жидкое и газообразное, так же различны условия или степени плотности и в астральной материи, и каждая такая степень соответствует определенной ступени физической материи. Таким образом ваш умерший друг будет продолжать видеть и стены, и мебель, к которым он привык, и это происходит от того, что хотя физическая материя, из которой они состоят, более и невидима для него, но наиболее плотная часть астральной материи будет давать для него очертания всех этих предметов так же ясно, как он видел их при жизни. Правда, если бы он стал вглядываться в знакомые предметы более пристально, он бы заметил, что все составные частицы этих предметов в быстром движении, тогда как на физическом плане движения эти были невидимы; но так как мало людей умеют наблюдать пристально, то большинство умирающих сознают не сразу, какая с ними произошла перемена.

Они смотрят вокруг себя и видят те же комнаты, населенные теми же людьми, которых они знали и любили, ибо эти люди обладают астральными телами, доступными для их нового зрения. Лишь постепенно узнаёт умерший человек совершившуюся с ним перемену; так, он скоро замечает, что для него не существует более ни усталости, ни боли. Если схватить значение только одной этой перемены, мы получим уже некоторую идею — что такое высшая жизнь. Если подумать о том, как много людей в своей напрягающей деловой жизни почти не помнят часа, совершенно свободного от утомления, можно вообразить, какое огромное значение получит для них полное отсутствие усталости и болезни.

Мы до такой степени извратили само наше представление о бессмертии, что для умершего трудно поверить в свою смерть только потому, что он продолжает видеть и слышать, думать и чувствовать. "Я вовсе не умер" — думает он, — "я жив, как и прежде, и даже гораздо более, чем прежде". Несомненно, это так; но он бы должен был знать это заранее, если бы у него при жизни были более верные понятия.

Сознание потустороннего существования приходит к нему благодаря тому, что прежнее общение с друзьями, которых он продолжает видеть, делается для него уже невозможным: он заговаривает с ними, а они не слышат его; он дотрагивается до них, а его прикосновения не производят на них никакого впечатления. Несмотря на это, проходит еще некоторое время, в течение которого он воображает, что спит и скоро проснется, ибо в другие часы, тогда, когда его друзья засыпают, они говорят с ним и понимают его по-прежнему. И только постепенно выясняется для него тот факт, что он действительно умер, и тогда он испытывает тревогу; но почему? — опять-таки из-за превратных понятий о потустороннем мире.

Он не понимает, где он, не понимает, что случилось, так как состояние его совсем не то, которого он ожидал. Мне лично пришлось слышать от вновь умершего такое замечание: "но, если я умер, где же я? Если это — небо, оно по-моему немногого стоит, если же это ад, то он гораздо лучше, чем я ожидал".

Много совершенно ненужной тревоги и даже мучительного страдания было вызвано учениями о несуществующих ужасах потустороннего мира. Кошунственная теория об адском огне сделала более вреда, чем её распространители могут даже себе представить; потому что её дурное влияние действует не только здесь, на земле, но и по ту сторону могилы. Только когда среди живых людей распространятся более здравые понятия о смерти, исчезнет и этот страх, и "покойник" будет знать, что нет повода для страха и что жизнь по ту сторону могилы имеет такие же разумные цели, как и земная жизнь.

Он убедится постепенно, что в этой жизни много нового, но что в то же время она во многом является лишь отражением той жизни, которую он уже знал на земле; ибо в астральном мире мысли и желания выражаются в видимых формах, состоящих из материи различной плотности этого плана.

По мере того, как астральная жизнь продолжает развиваться, человек всё более и более уходит в себя. Полный период воплощения и состоит в сущности в том, что Еgo или бессмертное "Я" человека спускается всё более в материю, а затем освобождается из неё, унося с собой все результаты своих усилий.

Если бы человека с европейскими понятиями попросить провести символическую линию жизни, он по всей вероятности провел бы прямую, начиная с рождения и кончая смертью; тогда как теософ изобразит жизнь скорее всего в виде эллипса, исходя от "Я" на высшем ментальном плане и снова возвращаясь к нему. Если провести три параллельные линии, которые будут изображать границы трех миров — физического, астрального и ментального, — линия человеческой жизни пройдет через ментальный мир, опустится в астральный, а затем — сравнительно самая незначительная часть эллипса - пересечет линию, отделяющую астральный от физического плана и повернув, снова поднимается в астральный и ментальный миры. Физическая жизнь будет таким образом представлена только той малой частью кривой, которая пройдет ниже линии, обозначающей границу между астральным и физическим мирами, а моменты рождения и смерти будут теми точками, в которых кривая пересекает эту линию; из этого ясно, что моменты эти вовсе не самые важные на всём протяжении эволюционной линии.

Настоящей центральной точкой будет та, которая наиболее удалена от "Я", та, что в астрономии называется афелий,^[2] и этой точкой будет не рождение и не смерть, а тот средний период физической жизни, когда сила, исходящая от "Я", израсходовала своё стремление и поворачивает назад, чтобы начать новый длинный процесс отступления или возврата.

Выражается это тем, что постепенно мысли человека всё более и более отвлекаются от земного, он начинает всё менее интересоваться физическими вещами, и это длится до тех пор, пока он не сбросит с себя физическое тело. После этого начинается его жизнь на астральном плане, в течение которой процесс отступления или освобождения из под власти материи продолжается непрерывно. Выражается это тем, что он всё меньше и меньше уделяет внимания плотной астральной материи, из которой состоят отражения физических предметов, и всё более поворачивает внимание на явления высшего порядка, на мыслеобразы, которые строятся из наиболее тонкой материи астрального плана. Таким образом жизнь его становится всё более существованием в мире мысли, а отражение мира, который он только что покинул, бледнеет всё более и исчезает из поля его зрения; но не потому, чтобы он переменял место в пространстве, а потому, что изменился центр его внимания. Его желания продолжают существовать, формы же, окружающие его, являются по большей части выражением этих желаний; из этого следует, что счастье или несчастье его потусторонней жизни зависит от природы этих желаний.

Изучение астральной жизни показывает ясно смысл многих этических правил. Большинство людей признаёт, что грехи, вредящие другим, принадлежат к области зла; но им не ясно, почему следует отнести к той же области чувство ревности, или ненависти, или сластолюбия, если эти чувства не проявляются внешним образом, в делах или словах. Самое поверхностное знакомство с потусторонним миром показывает, до чего эти чувства вредят человеку, питающему их, и как они заставляют страдать его после смерти. Мы поймем это лучше всего, если рассмотрим несколько типичных случаев из астральной жизни.

Представим себе прежде всего ничем не отличающегося бесцветного человека, не особенно хорошего и не особенно дурного. Так как человек после смерти не меняется, бесцветность останется его отличительным признаком; его не ожидает ни особенное страдание, ни особенная радость, и очень возможно, что вся его астральная жизнь протечет серо и скучно. Если во время своей земной жизни он не развил в себе никаких разумных интересов, если у него не было никаких идей помимо сплетен или того, что называется спортом, ничего, кроме своих деловых предприятий или своей наживы, — весьма вероятно, что время потянется для него очень томительно, так как все эти вещи уже недоступны для него. Если же взять человека, обладавшего сильными желаниями низшего материального характера, такими, какие могут быть удовлетворены только на физическом плане, — загробное состояние такого человека будет еще более тягостное.

Представьте себе пьяницу или сластолюбца. Он был в течение своей земной жизни рабом своей страсти, и она остается такой же и после смерти; даже более сильной, так как её вибрациям уже не приходится — как прежде — приводить в движение тяжелые физические частицы. Но возможность утолить эту жгучую жажду уничтожена навсегда, так как тела, посредством которого происходило это утоление, уже нет. Мы видим из этого, что огни чистилища — вполне подходящий символ для неустанных вибраций такого мучительного желания. Оно может длиться очень долго, так как ослабнуть и наконец совсем уничтожиться оно может только путем постепенного отмирания, а до тех пор судьба человека несомненно очень тяжелая. Но мы должны при этом иметь в виду две вещи: во первых, страдание это создано самим человеком и вся сила его и продолжительность определена им же самим; если бы он боролся с дурным желанием во время жизни, он страдал бы меньше после смерти. Во-вторых, это единственный способ отделаться от порока; если бы он мог переходить из существования сластолюбца или пьяницы немедленно в другое такое же существование, он бы родился рабом своего порока; пороки этот владел бы им с самого начала земной жизни, и для него не было бы спасения; но, при условии, что желание изнашивается во время астральной жизни, человек начинает свое новое существование свободным от прежних цепей, а между тем душа получила тяжелый урок и благодаря этому употребит все усилия, чтобы её низшие проводники не повторили той же ошибки.

Всё это было известно миру не далее как в классические времена. Мы видим эту идею, выраженную ясно в мифе о Тантале, который вечно мучился томящей жаждой, но каждый раз, когда он наклонялся к воде, чтобы утолить свою жажду, волны убегали от него. И другие грехи имеют такие же тяжелые последствия, хотя каждый имеет свои особые отличия. Так же будет страдать скряга, у которого отнята возможность накоплять свое золото, если он будет знать, что оно растрачивается чужими руками. Так же будет мучиться и ревнивый от своей ревности, зная, что он уже не в силах влиять на физическом плане и в тоже время продолжая чувствовать с прежней силой.

Или возьмем судьбу Сизифа, как она рисуется в греческом мифе: он был присужден катить тяжелый камень до вершины горы, но только для того, чтобы видеть, как камень скатывается назад в тот миг, когда успех казался совсем обеспеченным. Миф этот изображает с точностью

потустороннее существование честолюбца. Он всю свою жизнь создавал эгоистические планы, и то же самое он будет делать и в астральном мире. Он так же тщательно составляет свои планы, пока они не созреют в его уме, и только тогда он убеждается, что физического тела, которое необходимо для их осуществления, у него уже нет. Вниз катятся все его надежды, но до того внедрена в него привычка, что он снова и снова тащит тот же камень на ту же вершину честолюбия, пока его порок не износится до конца. Только тогда приходит он к пониманию, что нет смысла катить этот камень и что лучше оставить его в покое.

Мы рассмотрели случай с обыкновенным человеком и с человеком, отличающимся грубыми и эгоистическими желаниями. Теперь рассмотрим случай с человеком высшего типа, у которого были более разумные интересы на земле. Чтобы понять, в каком виде явится потусторонняя жизнь для него, мы должны иметь в виду, что большинство людей проводит самую значительную часть своей бодрствующей жизни в работе, которую они в сущности не любят и которую бы они не делали, если бы это не было необходимо для личного заработка, или для поддержания своей семьи. Теперь представьте себе состояние человека, когда всякая необходимость обязательного труда кончается, когда никакой нужды в заработке уже нет, так как астральное тело не нуждается ни в пище, ни в одежде, ни в квартире. В первый раз с самого детства такой человек становится свободным и имеет возможность делать как раз то, что ему нравится, может посвятить всё свое время любимому занятию, если оно таково, что может осуществиться без физической материи. Предположим, что величайшим наслаждением такого человека была музыка; на астральном плане он может слушать величайшие музыкальные произведения, какие только возможны на земле, причем в этих новых условиях он услышит в них гораздо более, чем слышал на земле, так как теперь ему доступны высшие гармонии, которых наш ограниченный земной слух неспособен воспринимать. Перед человеком, который любил искусство, красоту форм и цветов, расстилается всё очарование высшего мира; ему остаётся только выбирать. Если он умел наслаждаться красотами природы, наслаждение это увеличится безмерно, так как он может беспрепятственно переноситься с места на место, любясь на чудеса природы, для приближения к которым физическому человеку потребовались бы целые годы. Если у него было влечение к науке или к истории, все библиотеки и лаборатории мира к его услугам, а его проникновение в процессы — скажем, химии или биологии — будет несравненно полнее, ибо теперь он может следить за внутренними, также как и за внешними действиями, за причинами, так же как и за результатами; кроме того, во всех приведённых случаях есть еще одна положительная сторона — это отсутствие всякой усталости. Здесь на земле мы знаем, как часто нашей работе мешает нервное утомление; вне физического тела утомлению настает конец, ибо утомление — принадлежность мозга, а не самого сознания.

До сих пор мы говорили о более или менее эгоистическом удовлетворении, хотя бы оно и касалось разумной или интеллектуальной области. Но есть люди, величайшая радость которых состоит в возможности служить своим ближним. Что же готовит для них астральная жизнь? Они будут продолжать свою великодушную деятельность как и прежде, но только при лучших условиях, чем на физическом плане. Они будут окружены множеством нуждающихся в их помощи и они вернее будут достигать своей цели, чем это было возможно в земной жизни. Некоторые посвящают себя служению общему благу, другие — помощи среди своих собственных друзей, живых или умерших.

Хотя нужно прибавить, что наше понятие об этих двух категориях людей следовало бы изменить в обратном порядке: ибо воистину мы являемся мертвецами, погребенными в эти грубые, тяжеловесные физические тела, а они — воистину живыми, бесконечно более свободными и одаренными, ибо они гораздо менее связаны, чем мы.

Нередко бывает, что мать, перешедшая в это высшее существование, продолжает следить за

своими детьми и становится для них настоящим ангелом-хранителем; нередко умерший муж остаётся вблизи от своей горюющей жены, стараясь помочь ей, стараясь дать ей почувствовать свою любовь.

Но если всё это так, можно подумать, что чем раньше мы умрем, тем лучше для нас; такая перспектива может толкнуть даже на самоубийство, если думать только о себе и о своих радостях. Но если человек способен на нечто большее, если он признаёт свой долг относительно Бога и ближних, тогда это соображение падает само собой. Мы приходим сюда с определенной целью, которая может быть достигнута только на этом физическом плане. Душа должна пройти через большое напряжение и через тяжелое ограничение для того, чтобы достигнуть земного воплощения, и поэтому усилия её не должны быть бесцельно расточаемы. Инстинкт самосохранения внедрен в нас не даром, и наш долг — вынести из нашей земной жизни как можно больше содержания и сохранить её как можно дольше. На этом физическом плане существуют уроки, которые мы не можем выучить ни в какой другой области, и чем скорее мы выучим их, тем скорее мы освободимся от необходимости возвращаться в это низшее, ограниченное существование. И поэтому никто не должен умирать ранее того, чем пробьет его час; когда же час пробьет, человек может радоваться, ибо он действительно перейдет в лучший мир.

Но все преимущества, на которые я указал, ничто в сравнении с величием и светом следующей ступени, которую принято называть небом. После чистилища настает то состояние блаженства, о котором мечтают мистики и которое воспевают поэты. Астральная жизнь представляет счастливые условия для одних и несчастные для других; но следующая посмертная стадия являет собою ту степень счастья для каждого, которая соответствует ступени его развития.

Прежде чем закончить эту главу, ответим на два вопроса, которые так часто ставятся относительно потусторонней жизни. Будем ли мы двигаться вперед и развиваться после смерти? Несомненно; потому что прогресс есть закон Божественного Плана, но он возможен для человека в размере, соответствующем его развитию. Человек, живший на земле рабом своих страстей, прогрессирует благодаря тому, что его желания изнашиваются в астральном мире; и это самое необходимое на низшей ступени развития. Но человек, победивший свои личные желания и устремивший свою деятельность на благо других, может узнать много нового в астральной жизни; и он вернется на землю с новыми силами и качествами.

Другой вопрос, возникающий нередко, сводится к тому, узнаем ли мы любимых людей, которые перешли ранее нас в невидимый мир? Мы узнаем их потому, что все свойства, в том числе и любовь, сохраняются человеком в потустороннем мире; чувство привязанности действует как магнит, который будет привлекать любящих друг к другу быстрее и вернее, чем это было на земле. Возможно, что если любимый человек перешел в иной мир давно, он мог уже покинуть астральный и перейти на высший план; в этом случае мы должны ждать, когда сами поднимемся на ту же ступень. В обоих случаях соединение друзей находится в зависимости от силы и искренности их привязанности, ибо любовь — сила, наиболее могучая во вселенной, всё равно, проявляется ли она в этом мире или в потустороннем. В теософической литературе есть много указаний на посмертное существование человека,^[3] и этот вопрос следует изучать, ибо по мере ознакомления с ним, знание истинного положения вещей отнимает всякий страх смерти и делает саму жизнь гораздо легче, потому что знаешь её цель и смысл. Смерть приносит радость дея всех, кто жил хорошей и самоотверженной жизнью. Старинная латинская пословица выражает буквальную истину — *Mors janua vitae* — смерть есть врата жизни. Это в точности совпадает с действительностью, и смерть — действительно вход в более полную и более высокую жизнь. По ту сторону могилы, как по эту, действует непоколебимый закон

Божественной Справедливости, и мы можем довериться действию этого закона как относительно нас самих, так и относительно тех, кого мы любим.

НЕБЕСНЫЙ МИР

Все религии согласны в том, что существует небо и что его блаженством наслаждаются все, кто прожил праведную жизнь на земле. Христианство и ислам говорят о небе как о награде, даруемой Богом тем, кто достоин её; но более древние религии рассматривают небо как естественный результат доброй жизни, и в этом теософические учения сходятся с ними. Но хотя все религии согласуются в представлении о блаженстве небесной жизни, ни одно из религиозных описаний не производит на нас впечатления реальности. У буддистов и индусов встречается цветистое описание великолепных садов, в которых все деревья из золота и серебра, а плоды из драгоценных камней, у христиан улицы вымощены золотом и ворота на них из жемчуга и т. д.

Всё это звучит очень наивно, но дело в том, что описания эти нельзя принимать буквально; нужно помнить, что всё это — попытки выразить идею блаженства с своей точки зрения, но что все они бесполезны, ибо скрытая за ними истина совершенно непередаваема. Стараясь выразить красоту этого мира, индус вспоминает великолепные сады индусских раджей, еврей думает о прекрасном городе, вероятнее всего об Александрии, и каждый стремится выразить реальность, которая не поддается никакому описанию, употребляя при этом такие сравнения, которые более всего доступны для него.

Ясновидящие, соприкасавшиеся расширенным сознанием с небесным миром, делали, со своей стороны, попытки описать славу этого мира.^[4] Мы не говорим о золоте и серебре, о рубинах и бриллиантах, когда желаем выразить идею величайшей красоты форм и красок; чтобы выразиться, мы заимствуем наши сравнения от красок, оставляемых в природе заходящим солнцем, от великолепия неба и моря, потому что для нас они являют собой наиболее совершенную красоту. Но те из нас, которые прикоснулись к истине, знают очень хорошо, что все наши описания так же неточны, как и приведенные, что действительность не передаваема никакими словами, хотя придет время для каждого из людей, когда он сам увидит и познает её.

Ибо небо не есть мечта, это — светлая действительность; но чтобы понять её хотя бы сколько-нибудь, мы должны начать с того, чтобы изменить все наши идеи о небесах. Небеса — не место, а состояние сознания. Если вы спросите меня: "где небо?", я должен ответить, что оно здесь, около вас, так же близко, как воздух, которым вы дышите. Свет светит вокруг вас, как Будда сказал много веков назад, и нам следует только снять повязку с наших глаз и посмотреть вокруг; но что значит "снять повязку"? Что означает этот символ? Он означает поднятие сознания на высший уровень, способность сосредотачивать его в более высоком проводнике, чем физический мозг. Мы только что говорили о сознании в астральном теле, которое дает возможность видеть астральный мир; требуется сделать еще шаг вперед в том же направлении и поднять сознание до ментального плана, ибо человек обладает и на этом уровне проводником, посредством которого он может воспринимать вибрации этого плана; следовательно, если он в состоянии развить те высшие способности, которые приводят человека в непосредственное соприкосновение с этим высшим миром, он может ещё при жизни, не дожидаясь смерти, наслаждаться всей красотой его. Люди нашего времени достигают этого блаженства лишь после смерти и притом — не непосредственно, а лишь после процесса постепенного погашения страстей в чистилище. Когда истинная суть человека достигает границы астральных переживаний, человек умирает для астрального мира так же, как и для физического. Это означает, что он сбрасывает с себя оболочку, соответствующую этому плану и оставляет её позади, переходя в высшую жизнь. С этой второй смертью не соединено никаких страданий, но так же как и физической смерти, ему предшествует период бессознательности, из которой

человек пробуждается лишь постепенно.

Из всех попыток дать намек на переживание этого высокого плана, может быть самой понятной будет обозначение его как Царства Божественного Разума, совпадающего с царством самой мысли, где всё, о чем человек способен подумать, появляется немедленно в яркой, живой реальности. Мы впадаем в многочисленные заблуждения из-за нашей привычки смотреть на материальные вещи, как на реальные, а на нематериальные — как на мечту, в которой нет реальности; тогда как в действительности суть всего, что материально, скрыта наиболее глубоко в физической материи и таким образом присущая предметам реальность становится здесь на земле гораздо менее ясна, чем там, где она менее скована плотной материей.

Благодаря этому, думая о мире мысли, мы неизбежно представляем себе нереальный мир, построенный из того же материала, из которого создаются мечты.

В действительности, когда человек оставляет физическое тело и его сознание раскрывается для астральной жизни, первым его ощущением является интенсивная жизненность и реальность этого мира, и он невольно думает: "теперь я впервые знаю, что значит жизнь". Но когда он в свое время покидает и эту жизнь для наиболее высокой ступени, для него повторяется то же самое переживание, потому что эта новая жизнь в свою очередь несравненно полнее, шире и интенсивнее, чем жизнь астральная. А между тем, небесная жизнь не есть конец человеческих переживаний; существует ещё более высокая ступень жизни, по сравнению с которой небесная жизнь подобна лунному свету рядом с ярким сиянием солнца; но об этом бесполезно говорить в наше время.

Многим, читающим эти строки, покажется невероятным, что царство мысли может быть более реальным, чем физический мир; и это неизбежно, пока у них не будет опытных переживаний в области этой высшей жизни; но достаточно одного такого переживания, чтобы сразу понять более, чем могут выразить какие бы то ни было слова.

На этом плане раскрывается бесконечная полнота Божественного Разума, воспринимая каждой душой в том размере, в каком душа эта способна воспринимать. Если бы человек закончил свою эволюцию, если бы он развил до полноты ту божественность, зародыш которой заложен в него, тогда всё величие этого Разума стало бы для него доступно; но так как никто из нас еще не достиг этого и все мы лишь медленно поднимаемся к этой светлой цели, никто не в состоянии воспринять Божественный Разум в полноте — каждый воспринимает лишь настолько, насколько он подготовил себя предшествующими усилиями. Различные индивидуальности обладают весьма различными границами восприятия; по красивому восточному сравнению, каждый человек приносит в небеса свою собственную чашу; у некоторых чаши эти велики, у некоторых они малы, но каковы бы они ни были, каждая чаша заполнена до краев.

Все религии говорят о блаженстве неба, но немногие из них выясняют ту главную идею, которая могла бы дать разумное объяснение — каким образом возможно блаженство для всех, каким образом каждый человек испытывает свое собственное небо, воспринимая в доступной для него мере от неизреченного Света Разума самого Бога. Человек решает сам и продолжительность, и характер своей небесной жизни теми условиями, которые он сам порождает в течение своей земной жизни. Поэтому он может воспринимать только ту долю радости, какую он заслужил, и радость эта будет такого свойства, какое соответствует его особенностям; ибо в этом мире каждое существо испытывает весь размер духовного блаженства, какой только доступен для него. Это мир такого неисчерпаемого блаженства, границы которому могут быть поставлены только недостаточной способностью восприятия.

Человек создает свое астральное тело в течение земной своей жизни, и он должен жить в нем и в астральном мире, испытывая или счастье или страдание, смотря по характеру этого тела.

Когда время очищения прошло, низшая часть его природы сгорает до конца; теперь сохранились только его сверхличные мысли, его благородные и бескорыстные стремления, которыми он владел в течение земной своей жизни. Все они окружают его, образуя вокруг него нечто вроде скорлупы, через посредство которой он может отвечать на некоторые группы вибраций в окружающей его тонкой материи. Эти его мысли и стремления являются теми силами, посредством которых он вбирает в себя богатства небесного мира, и как раз эти силы определяют размер той сокровищницы небесного блаженства, которая достается на его долю. Всё наиболее высокое в его привязанностях и влечениях являет теперь свои результаты; всё же остальное, всё себялюбивое и жадное, осталось позади, на плане желаний.

Ибо есть два рода любви. Одна, едва стоящая этого прекрасного имени, которая всё время взвешивает какое количество любви она получает взамен своей привязанности, которая вечно заботится о том, достаточно ли её любят взамен и которая, вследствие этого, постоянно запутывает себя в злые сети ревности и подозрения. Такое чувство, жадное и требовательное, воспримет последствия своих сомнений и ревнивых страданий на плане желаний, к которому оно несомненно и принадлежит. Но есть другого рода любовь, которая никогда не останавливается на том, что она получает в возврат, у которой только одно побуждение: свободно проявлять свою преданность и как можно полнее изливать тот свет любви, который наполняет её сердце. Здесь нет ограниченности, потому что нет притягивания к себе нет стремления брать, нет мысли о возврате; благодаря этому возникает изливание силы столь могучее, что оно не может быть выражено посредством астральной материи, и размеры астрального плана не могут вместить его. Оно требует более тонкой материи и более широкого пространства высшего плана, вследствие чего такая энергия любви принадлежит ментальному миру. Мы все знаем, что в наших высочайших чувствах есть нечто, что не может быть удовлетворено, что все наши высокие стремления никогда не бывают осуществлены до конца; мы знаем, что когда мы действительно любим бескорыстно, наше чувство не поддается никаким земным выражениям, что глубокое волнение, вызванное в наших сердцах благородной музыкой или совершенным произведением искусства, достигает высоты и глубины, которая совершенно недоступна для земных переживаний. И в то же время, это неуловимое и недоступное, неподдающееся никаким нашим соображениям, должно же где-нибудь иметь свои последствия, ибо закон сохранения энергии продолжает действовать на высших планах жизни с такой же неизбежностью, с какой обыкновенная механическая сила действует на земле.

Но так как сила эта должна реагировать на того, кто привел ее в движение, и она не может проявиться на физическом плане из-за сравнительной грубости и инертности физической материи, где же и когда проявляются неизбежные результаты этой силы?

Она сохраняется в непроявленном виде на своем собственном плане до тех пор, пока породивший её человек не достигнет этого плана. Это — накопленная энергия, ожидающая, пока не возникнут благоприятные условия для её проявления. Пока сознание человека сосредоточено на астральном и физическом планах, сила эта может воздействовать на него, но когда он переселяется на высший план, задерживавшие её затворы раскрываются и её действие устремляется на него. Так осуществляется совершенная справедливость: ничто не теряется, не теряется и тогда, когда для нашего ограниченного понимания кажется, что цель не достигнута и наши стремления изжиты без следа.

МНОГИЕ ОБИТЕЛИ

Основой небесных переживаний служат те склонности человека, которые определяют характер его собственного неба.

На этом высоком плане Божественного Разума существуют, как мы уже сказали, все виды красоты и блаженства; но человек может видеть их лишь через те окна, которые проделаны им же самим. Каждый из его мыслеобразов и является таким окном, через которое он может уловить ответные вибрации, идущие от сил, действующих вне его. Если он в течение своей земной жизни устремлял внимание исключительно на физические вещи, в таком случае он пробил для себя слишком мало окон, через которые небесное блаженство может светить на него; тем не менее, каждый человек испытал хотя бы однажды, хотя бы на одно мгновение, порыв чистого бескорыстного чувства, и этот порыв станет для него такими окном. Вот почему каждое человеческое существо, исключая разве дикаря, стоящего на очень низкой ступени, испытает хотя бы частицу этого чудного блаженства. Вместо распространенного представления, что некоторые люди пойдут в рай, а некоторые в ад, было бы гораздо вернее сказать, что все люди испытают свою долю и того, и другого состояния (если уже называть низшее состояние астральной жизни таким страшным именем как "ад"), и вся разница сводится к относительной продолжительности этих состояний.

Не следует также забывать, что душа обыкновенного человека находится и до сих пор на достаточно ранней ступени своего развития. Человек научился действовать в своем физическом проводнике с достаточной свободой; он может также действовать без особенного труда в своем астральном теле, хотя он весьма редко сохраняет при этом воспоминание об этой деятельности в своем физическом мозгу; но ментальное тело и до сих пор еще не является организованным проводником, так как человек не может пользоваться им как названными двумя телами, не может передвигаться в нем и не может пользоваться чувствами этого тела для восприятия указаний из высшего мира нормальным путем.

В виду этого не следует представлять такого человека в условиях небесного мира деятельным и способным свободно передвигаться, как в астральном мире. Здесь его состояние главным образом воспринимающее, а сношения его с окружающим миром происходят через его собственные окна, и поэтому оно чрезвычайно ограничено. Человек, который может проявить полноту деятельности на этом плане, достиг уже ступени, превышающей человеческую ступень, ибо для этого нужно быть высоко развитым существом; он должен обладать полными сознанием на этом уровне и действовать в своем ментальном проводнике так же свободно, как обыкновенный человек действует в физическом теле, благодаря чему обширные области высшего знания широко раскроются передо ним.

Но теперь мы будем иметь дело с менее развитым человеком, который смотрит через пробитые им окна и видит только через них. Чтобы понять его небо, мы должны знать две вещи: его отношение к высшему плану и его отношение к своим друзьям.

Вопрос о его отношении к окружающему следует также разделить, ибо мы должны иметь в виду с одной стороны материю этого плана отлитую в формы его мыслью, а с другой стороны и силы высшего плана, отвечающие на его стремления.

Я уже упоминал, каким образом человек окружает себя своими мыслеформами. На этом плане мы находимся на самой родине мысли и поэтому естественно, что характер этих мыслеобразов имеет во всех отношениях решающее значение. Небесный план населен живыми силами, которые можно назвать сонмами ангелов, и некоторые из них весьма чувствительны к определенным стремлениям человека и всегда готовы отвечать на них.

Но его мысли и его стремления продолжают естественно направляться по линиям, которые он подготовил в течение земной своей жизни. Может показаться, что, перенесенный на план такой силы и жизненности, он должен бы получить толчок к совершенно новой деятельности по линиям, совершенно новым для него; но это невозможно. Его тело мысли принадлежит к иному порядку, чем его низшие проводники, и подчиняется далеко не в такой степени его контролю, как они. На протяжении многих прежних жизней оно привыкло получать впечатления и толчки к действию снизу, от низших проводников, главным образом от физического тела и реже — от астрального; оно мало подготовило себя для непосредственного восприятия ментальных вибраций своего собственного плана, и потому оно не может внезапно научиться воспринимать их и отвечать на них. Таким образом, в этом высшем мире человек не может создавать новых мыслей, и лишь мысли, которые уже имелись у него, образуют те окна, через которые он смотрит в этом новом состоянии своего бытия.

Что касается этих окон, то тут могут быть две возможности: во-первых направление, куда они обращены, и во-вторых материал, из которого они состоят. Направлений, которые могут принимать высшие мысли, очень много; некоторые из них, каковы привязанность и преданность, принадлежат обыкновенно к личным переживаниям и потому их лучше рассматривать в связи с отношением человека к другим людям. Возьмем поэтому такой пример, где этот личный элемент отсутствует, где мы имеем дело лишь с непосредственным влиянием окружающей среды. Предположим, что одним из его окон в небесный мир является музыка. Она представляет собой могучую силу в этом высшем мире; мы знаем, в какой степени музыка способна поднимать человека, делать его на время как бы новым существом в новом мире; все, испытавшие на себе её власть, поймут, какой огромной энергией обладает эта сила. Человек, в душе которого нет музыки, не имеет открытого окна в этом направлении; а человек, обладающий таким окном, получит три совершенно различных ряда впечатлений, которые все будут более или менее видоизменены свойством стекла, из которого сделано его окно. Из этого ясно, что стекло может сильно ограничивать его восприятие: оно может быть окрашено и вследствие этого будет пропускать только некоторые лучи света; или оно может быть из очень несовершенного материала, который будет искажать и затемнять весь проникающий свет. Например, возможно, что в течение своей земной жизни человек любил только один род музыки, или что его привлекала нечистая музыка и т. д. Но если предположить, что его музыкальное окно хорошо построено, что может он получить через него?

Прежде всего, он воспримет ту музыку, которая служит выражением правильного движения сил небесного мира. В основе поэтической идеи о "музыке сфер" кроется действительный факт, ибо на высших планах бытия всевозможные движения и действия производят дивные гармонии как звуков, так и красок. Все мысли — как его собственные, так и чужие — выражаются в чудно звучащих, вечно меняющихся аккордах, как бы от бесчисленных эоловых арф. Это музыкальное выражение яркой сияющей жизни небес будет для него чем-то вроде вечно очаровывающего, вечно присущего фона для всех его других переживаний.

Затем между обитателями этого плана есть один вид существ — чин ангелов, как бы назвали их христиане — который особенно музыкален и выражает себя посредством музыки гораздо полнее, чем остальные небесные сущности. О них упоминается в старых индусских книгах, под именем гандхарвов. Человек, душа которого особенно восприимчива для небесной музыки, обратит на себя их внимание, и вступив в сношение с одним из них, познает от него много новых чудных музыкальных комбинаций, неведомых на земле. Кроме того, он будет воспринимать с новым проникновением ту музыку, которую создают на этих высших планах переселившиеся ранее его великие музыканты: Бах, Бетховен, Мендельсон, Гендель, Моцарт, Россини — все они, полные могучей жизни, создают несравненно более грандиозные и

прекрасные гармонии, чем все, известные на земле. Каждый из них является в буквальном смысле неистощимым родником чудных музыкальных сочетаний и все вдохновения наших земных музыкантов лишь слабое эхо тех прекрасных звуков. Чаще, чем мы думаем, чуткие люди воспринимают эти звуки здесь на земле, и стараются воспроизвести их — насколько это возможно — в физическом мире. Нам приходилось слышать от музыкальных маэстро, как они иногда внутренним слухом слышат целые грандиозные оратории с величавыми хорами, заключенные в одном звучащем аккорде, хотя, когда они стараются записать его в нотах, им приходится покрывать много листов нотными знаками. В этом выражается вся разница между небесной музыкой и той, которую мы знаем на земле; один могучий аккорд выражает там такое музыкальное богатство, которое здесь потребовало бы многих часов для своей передачи.

В таком же роде будут переживания человека, для которого окном будет живопись. Его ожидают те же наслаждения, ибо жизнь небес выражается в цветах так же, как и в звуках, и мы знаем из теософических учений о цветовом языке тех дэв, которые сообщаются между собой посредством великолепно окрашенных световых вспышек. Точно так же и в этой области искусства великие художники давно прошедших времен продолжают творить, но не кистью по полотну, а несравненно более совершенной пластикой, идущей от силы мысли. Каждый художник знает, насколько самые совершенные выражения его мысли на бумаге или на полотне ниже того, что носится перед его воображением; но здесь мыслить и осуществлять — одно и то же и здесь разочарование невозможно. То же самое можно сказать и относительно всякого творчества; вот почему источники знания и наслаждения на небесах бесконечно превышают всё то, что наш ограниченный ум может схватить здесь, на земле.

НАШИ ДРУЗЬЯ НА НЕБЕСАХ

Теперь обратимся ко второй стороне нашей темы: как складываются отношения человека к тем, кого он любит или к тем, кто вызывает в нем чувство преданности или обожания. Снова и снова приходится слышать тревожные вопросы — можно ли быть уверенным, что мы встретим по ту сторону смерти тех, кого здесь сильно любили и узнаем ли мы их в этой новой жизни? К счастью, на этот вопрос можно ответить вполне определенно. Да, мы найдем там наших друзей и это — без малейшей тени сомнения, и сношения наши с ними будут более полными и более реальными, чем это было на земле.

Кроме того, нас часто спрашивают: "могут ли друзья, уже переселившиеся в небесный мир, видеть нас здесь, наблюдают ли они за нами и ждут ли они нас? Едва ли; ибо для этого существует непреодолимое затруднение. В самом деле, как мог бы сохранить ушедший человек счастливое состояние, если бы он смотрел назад и видел тех, кого он любит, в горе и страданиях, или, что еще хуже, в момент совершаемого преступления? И другое предположение, что он ожидает их, не многим лучше первого. В этом случае человеку предстоял бы долгий период ожидания, во время которого его друг может настолько измениться, что потеряет всю свою привлекательность. В естественном порядке, так мудро установленном для нас природой, подобных затруднений не существует; те, кого человек любил более всего, остаются всегда с ним и притом в своем наиболее благородном и совершенном виде, и ни тени разлада или перемены не может быть между ними и им, так как он получает от своих друзей только то, чего сам пожелает. Действительность несравненно совершеннее всего, что человек мог бы придумать своим воображением; все существующие теории являются человеческими измышлениями, тогда как истина есть мысль самого Бога.

В действительности, каждый раз, когда мы любим кого-нибудь очень глубоко, мы создаем его ментальный образ и он часто возникает в нашем уме. Этот образ друга мы уносим с собой в небесный мир, ибо в естественном порядке образ этот соответствует высшему уровню ментальной материи. Любовь, которая творит и удерживает такой образ, есть могучая сила — сила, достаточная для того, чтобы воздействовать на душу того, кого мы любим. Душа друга отвечает на воздействие этой силы соответствующей энергией, и энергия эта наполняет собой тот мыслеобраз, который мы создали, и таким образом наш друг остается на самом деле с нами, и притом более непосредственно, чем это возможно на земле. Не забудем, что любовь вызывается не телом, а душой друга, мы же имеем здесь с собой душу человека. На это могут сказать: "да, это могло бы быть так, если бы друг умер, но предположите, что он еще жив, и тогда его душа не может находиться одновременно в двух местах". В действительности душа может быть в двух местах одновременно и даже более, чем в двух; и то обстоятельство, что друг наш по нашему представлению жив или мертв, не делает ни малейшей разницы. Попробуем яснее понять, что такое в сущности душа, и тогда мы лучше поймем действительный ход вещей.

Душа человека принадлежит высшему плану, она — нечто несравненно большее, чем все её проявления. Её отношение к своим проявлениям есть отношение одного измерения к другому; квадрата к линии или куба к квадрату. Никакое количество квадратов не могло бы составить куба, так как у квадрата только два измерения, тогда как у куба — три. Точно также никакое количество проявлений на одном из низших планов не в состоянии исчерпать полноту души, которая принадлежит совершенно другому миру. Она вкладывает малую часть себя в физическое тело для того, чтобы добыть опыт, который возможен только на физическом плане; она может пользоваться одновременно только одним таким телом, потому что таков закон; но если бы она могла пользоваться тысячью телами, и тогда они не могли бы выразить в полноте её

действительную суть. Она может иметь только одно физическое тело, но если она сумела вызвать в своем друге такую любовь, что друг этот имеет её образ везде перед собой, — в таком случае она может влить в его мыслеобраз свою собственную жизнь, оживотворив его до степени истинного выражения своей сути на этом высоком плане; последний, как мы знаем, превышает на целых два плана физический мир и поэтому представляет несравненно лучшие условия для выражения душевных качеств.

Для того, кому трудно себе представить своё сознание деятельным одновременно в разных проявлениях, полезно сделать сравнение с обыкновенным физическим переживанием. Каждый из нас, сидя в своем кресле, испытывает одновременно несколько физических прикосновений. Он соприкасается с сиденьем кресла, его ноги касаются пола, его руки осязают ручки кресла, или, может быть, держат книгу; и всё же мозгу его нетрудно воспринимать все эти соприкосновения одновременно; почему же для души, которая настолько значительные, чем её физическое сознание, невозможно сознавать одновременно более одного проявления на планах, которые настолько ниже её собственного уровня? Мы знаем, что все эти различные соприкосновения испытывает действительно один и тот же человек; и так же действительно чувствует одна и та же душа все подобные мыслеобразы, и во всех них она одинаково реальна, полна жизни и любви. Здесь мы имеем самую лучшую сторону души, ибо здесь она может выразить себя несравненно полнее, чем это возможно для неё при самых благоприятных условиях на физическом плане.

Но может ли это подействовать на эволюцию друга? — могут спросить меня. Конечно может, потому что это даст ему лишнюю возможность проявить себя. Если он живет в физическом теле, он уже проходит физические уроки, но это даст ему в то же время возможность развивать гораздо быстрее способность любить при посредстве того мыслеобраза на ментальном плане, который умерший друг создал для него. Таким образом, любовь последнего делает большое благо для него.

Как мы уже сказали, душа может проявлять себя во многих подобиях, которые созданы другими для неё. Человек, сильно любимый многими людьми, может участвовать одновременно во многих небесных переживаниях и таким образом развиваться гораздо быстрее; но эта возможность есть прямое последствие тех любящих качеств, которые притягивали к нему привязанность многих людей. Таким образом, он не только пользуется любовью многих, но благодаря этому и сам растет в любви, всё равно, принадлежат его друзья к живым, или к умершим.

Но следует прибавить, что для подобного общения существуют два ограничения. Во-первых, образ вашего друга, созданный вами, может быть несовершенен — в нём могут недоставать некоторые из его высших свойств, и тогда свойства эти не будут в состоянии проявляться через него. И во-вторых, затруднение может возникнуть и со стороны самого друга. Ваше представление о нем может быть не совсем верно; возможно, что вы преувеличили его в каком-нибудь направлении, и в этом случае он не будет в состоянии наполнить своим содержанием один из аспектов вашего мыслеобраза. Но это трудно допустимо и может случиться только, когда неразумно обоготворяется совершенно недостойный объект. Но и тогда творец мыслеобраза не почувствует перемены в своем друге, ибо последнему несравненно легче осуществить его идеал теперь, чем во время общения обоих друзей в физическом мире. Не будучи совершенным, он всё же проявится лучше, чем проявлялся на земле, и радость пребывающего на небесах не будет затуманена.

Ваш друг может наполнить сотни своих подобий теми качествами, которыми он обладает, но если какое-нибудь качество не развито в нем, оно не может возникнуть только потому, что вы приписали ему это качество. В этом кроется большое преимущество людей, которые создают

только такие образы, которые не способны разочаровать их, или вернее, тех, которые могут подниматься выше всех представлений, создаваемых по поводу них низшим разумом. Ученик, создающий образ своего Учителя, сознаёт, что всё несходство будет исходить из несовершенства этого образа, ибо здесь он черпает из такой глубины любви и духовной силы, которую ему не измерить своим разумом.

Но, могут спросить, раз душа проводит столько времени, наслаждаясь блаженством небесного мира, в чем же состоит возможность её развития во время этого пребывания? Возможность эта может быть трех родов, хотя каждый из них допускает много видоизменений.

Во-первых, благодаря известным внутренним качествам, человек раскрыл определенные окна в небесный мир; упражняясь в этих качествах так долго, он в значительной степени усилит их и возвратится в следующем воплощении богато одарённым с этой стороны. Все внутренние процессы усиливаются благодаря их повторению, и человек, упражнявшийся в течение долгого периода — скажем, в бескорыстной преданности — научится в конце этого периода любить сильно и совершенно.

Во-вторых, если его стремления приведут его в соприкосновение с одной из категорий духовных существ, о которых была речь, он неизбежно приобретет много ценного от сношения с ними. Так, в музыке он узнает от них много обертонов и вариаций, до тех пор неведомых для него; также и в живописи и в пластических искусствах он научится тому, о чем не имел на земле никакого понятия. Всё это новое постепенно запечатлется в нем, и он возвратится из небесного мира несравненно богаче, чем был перед тем.

В-третьих, он может научиться новому при помощи тех подобий любимых и почитаемых людей, которые он создал. Если это люди, стоящие много выше его по развитию, он может при их посредстве получить много новых знаний; чем выше существо, соответствующее подобному мыслеобразу, тем больше новых знаний можно через него получить.

Но более всего имеет значение жизнь самой души в том непреходящем теле (каузальном, или причинном), которое она переносит с собой из жизни в жизнь в неизменном виде, если не считать его естественной эволюции. Когда приходит конец небесным переживаниям, ментальное тело человека сбрасывается в свою очередь, как были сброшены два низшие тела, и тогда начинается жизнь в каузальном теле. Теперь душа не нуждается в окнах, ибо здесь её родина и здесь все стены разрушились перед ней.

Большинство людей лишено почти всякого сознания на этом высоком плане: они отдыхают в состоянии, которое можно сравнить с дремотой, неспособные воспринимать слишком высокую для них жизнь этого мира, хотя те видения, которые проносятся перед ними, не продукт фантазий, а явление этого мира; тем не менее, каждый раз, как они будут возвращаться, ограниченность их будет уменьшаться, и сознание этой истинной жизни души будет раскрываться перед ними всё шире и всё полнее. В то же время продолжительность жизни в этом высоком состоянии будет всё более увеличиваться по сравнению с существованием на низших ступенях бытия.

По мере того, как человек вырастает, он делается способным не только воспринимать, но и давать. Он всё более приближается к венцу человеческой эволюции, он усваивает урок, данный Христом, познаёт величие и радость жертвы, испытывает высочайший восторг излияния своей жизни, на помощь ближним, отдачи своего я для всех, принесения всех своих просветленных сил на помощь борющемуся человечеству.

В этом заключается часть ожидающей нас посмертной жизни; здесь перед вами некоторые из ступеней на лестнице жизни, которые мы, находящиеся в самом низу её, всё же можем видеть, видеть как они поднимаются в необозримую высоту, и увидев их, передать вам свое видение, чтобы и вы могли раскрыть глаза на тот немеркнущий вечный свет, который окружает

всех нас, заключенных в темноту повседневной жизни. В этом часть благой вести, которую теософия принесла в мир, — уверенность в божественном будущем, ожидающем всех. Оно несомненно, ибо оно уже существует, но чтобы наследовать его, мы должны сделать себя достойными этого будущего.

АНГЕЛЫ-ХРАНИТЕЛИ

Одна из самых светлых сторон теософических учений состоит на мой взгляд в том, что они возвращают человеку наиболее отрадные верования тех религий, которые он уже перерос. Встречается много людей, которые расстаются с глубоким сожалением с прекрасными представлениями своего младенческого сознания. Они перешли из сумерок на более яркий свет, но вернуться назад уже невозможно, если бы они даже захотели того; а между тем, некоторые грезы этих сумерок были так прекрасны, что более яркий свет кажется беспощадным по сравнению с нежным колоритом этих грез. Теософические учения приходят в этом случае к нам на помощь и показывают, что вся красота и поэзия, проблески которой они смутно улавливали в сумеречный период своего сознания, существует как живая реальность, но, вместо того чтобы исчезнуть, красота эта проявится еще ярче в свете полного дня. Но возвращая нам всю поэзию сумерок, учения теософии строят её на совершенно новых основаниях, на оснований проверенных фактов, вместо недостоверных традиций. Красивым примером подобных верований является идея "ангелов-хранителей". Существует много прекрасных преданий относительно вмешательства в человеческую жизнь ангелов, которым очень хотелось бы верить, если бы их можно было принять на разумных основаниях; а между тем, эти разумные основания существуют, что я и постараюсь доказать в этой главе.

Вера в такое вмешательство идет из древнейших времен. Среди наиболее ранних индусских легенд мы находим рассказы о временном появлении неземных существ в критические моменты человеческой судьбы. Греческий эпос полон такими же рассказами, и даже в истории Рима мы читаем, как небесные близнецы Кастор и Поллукс ведут армию юной республики в сражении при озере Региллусе. В средневековых легендах св. Яков ведет испанские войска к победе и во многих преданиях упоминается об ангелах, которые охраняли набожного паломника или вмешивались в надлежащий момент, чтобы защитить его от опасности. Всё это народные суеверия, скажут мне. Возможно, но всюду, где мы встречаемся с народным суеверием, которое широко распространено и устойчиво, в нем имеется всегда зерно истины — часто искаженной и преувеличенной, но всё же истины. И легенды об ангелах-хранителях принадлежат именно к таким суевериям.

Большинство религиозно настроенных людей говорит об ангелах-хранителях, которых чувствуешь около себя в моменты опасности или смятения, и христиане не составляют исключения. Но христианство подверглось воздействию реформации, и последняя смела много ценных сокровищ, которые оказались потерянными для большинства и не могут быть восстановлены и до сих пор. Что в католической церкви существовали тяжкие злоупотребления, этого нельзя отрицать, и реформация была тяжелым судом за грехи, предшествовавшие ей. То, что носит название протестантизма, омрачило мир и опустошило его для своих последователей, утверждая между прочим, что не существует ничего, что бы соответствовало тем бесконечным ступеням, которые простираются между Богом человеком. Протестантизм отличается изумительным представлением о постоянном вмешательстве Правителя Вселенной в действия своих же собственных законов и в последствия своих же собственных предначертаний; и это происходит обыкновенно под влиянием мольбы сотворенных им людей, из чего нельзя не заключить, что они знают лучше его, что составляет их благо, что хорошо и что дурно для них. В теософии не существует таких представлений, ибо мы убеждены в полноте божественной справедливости и поэтому признаём, что вмешательство в жизнь человека свыше возможно только тогда, когда он того заслужил. Но и в этом случае такая помощь приходит к нему через посредствующие силы, а никак не благодаря непосредственному вмешательству Бога. Мы твердо

знаем — иные благодаря теоретическим знаниям, а другие благодаря личному опыту, — что существует много посредствующих эволюционных ступеней между человеком и Богом. Древняя вера в ангелов и архангелов оправдывается фактами, ибо как существуют различные царства природы ниже человеческого, также существуют и царства мировой эволюции, которые превышают его.

Непосредственно над нами, приблизительно в таком же отношении к нам, в каком мы находимся к царству животному, существует царство дэв или ангелов, а ещё выше — эволюционная ступень, которая носит название дхьян чоханов или архангелов, и так продолжается, поднимаясь всё выше и выше к подножию самого Бога. Вся вселенная есть единая постепенная жизнь, начиная от самого Бога и кончая прахом под нашими ногами, единая эволюционная лестница, на которой человечество занимает лишь одну из её ступеней. Много ступеней возвышается над нами и много их спускается ниже нас; каждая из ступеней занята особым проявлением жизни, и было бы нелепо предполагать, что мы являем собою наиболее высокую форму развития, конечный венец эволюции. Появление — время от времени — сынов человеческих, несравненно более продвинувшихся чем мы, указывает нам на ту ступень, которая ожидает и нас, и в то же время оно дает нам живой пример для подражания. Христос и Будда, а также другие, не столь высокие Учителя, раскрывают перед нами величественный идеал, к которому мы должны приближаться, как бы далеко мы ни отстояли от него в настоящий период нашей эволюции.

Когда происходят особые вмешательства в человеческие дела, должны ли мы их объяснять каждый раз вмешательством ангелов? Иногда это бывает, но редко, потому что эти высокие существа имеют свои задачи на соответствующей им ступени в великом плане вселенной. Человек занят собой до такой степени, что склонен воображать, что все великие силы вселенной должны следить за ним и с готовностью помогать ему каждый раз, когда он страдает через свою же собственную слабость или неведение. При этом за собой он совсем не признаёт обязанности действовать как благое провидение по отношению к царствам природы, стоящим ниже его, и не считает нужным оставлять свои дела, чтобы помогать нуждающимся в помощи животным. Иногда он играет по отношению к ним роль настоящего дьявола, врываясь в их невинную и безвредную жизнь с пытками, или же легкомысленно убивая их с целью удовлетворить свои жестокие инстинкты, которые он изволит называть "спортом". Иногда он держит животных при себе и заботится до известной степени о них, но только для того, чтобы они работали в его пользу, а не ради бескорыстной помощи их эволюции, какую он требует для себя самого от ангелов. Как же может он ожидать от тех, кто стоит выше его, такой заботы, какую сам он не желает оказывать стоящим ниже его? Гораздо вернее представлять себе ангелов занятыми своими собственными задачами и совсем не думающими о людских делах.

Может случиться, что один из ангелов заметит горе или затруднение человека, которые вызовут в нем жалость, и что он попытается помочь ему так же, как мы иногда пытаемся помочь страдающему животному; но в то же время можно быть уверенным, что его более широкое сознание предвидит ясно, что на настоящей ступени эволюции подобные вмешательства могут принести гораздо больше вреда, чем блага. В давно прошедшие времена человечество получало частую помощь от сверхчеловеческих существ, но это происходило оттого, что среди младенческого человечества не было еще никого, способного стать вождем и учителем; но в настоящий период эволюции, когда мы уже вышли из детства, мы должны иметь своих помощников и вождей из среды своей собственной расы.

Существует еще другое царство природы, о котором очень мало известно современным людям, следы знакомства с которым сохранились только в народных преданиях. Это царство духов природы; им дают самые различные имена: фей, гномов, кобольдов, домовых, силф,

ундин, и т. д., и почти нет страны, в народных верованиях которой они не играли бы определенной роли. Это — существа, обладающие астральными или эфирными телами, почему они бывают видимы для человека только при особых, редко встречающихся обстоятельствах; они обыкновенно избегают его близости, ибо не любят грубых взрывов его страстей, и поэтому они могут быть встречены чаще всего в каком-нибудь уединенном месте одиноким горцем или пастухом, вдали от деловой сутолоки населенных мест. Случается изредка, что одно из этих существ привязывается к человеку и посвящает себя его услугам, как об этом нередко говорится в историях горной Шотландии; но обыкновенно трудно ожидать разумной помощи от существ, стоящих на этой ступени.

Существуют иные помощники человеческой эволюции, о которых большинство человечества и не подозревает, это — великие адепты, Учителя мудрости и сострадания, существа человеческого происхождения, но настолько более развитые, чем мы, что они в сравнении с нами как боги по размерам мудрости и милосердия. Вся их жизнь посвящена содействию мировой эволюции. Но можно ли думать, что они захотят вмешиваться в человеческие дела? Не знающие смысла их деятельности воображают, что адепты должны бы появляться в наших больших городах, чтобы помогать бедным и угнетенным; допускающие существование адептов начинают с критики их действий и с упреков — почему они допускают совершаться всему злу, которым переполнена человеческая жизнь. Такая критика в высшей степени неразумна, ибо высшие существа знают лучше нас, что они делают. Их деятельность происходит на гораздо более высоких планах бытия; они имеют дело непосредственно с душами людей, на которые они изливают — подобно тому, как солнце светит на цветок, — свою жизненную силу, которая содействует росту души; и это их дело много важнее, чем лечение или питание физических тел, которое может быть совершено и без их сверхчеловеческого содействия. Направлять это содействие на физические цели было бы так же неразумно, как занимать людей науки разбиванием придорожных камней на том основании, что этот труд полезен для всех, тогда как ученые труды представляют из себя непосредственную пользу только для немногих. Задачи адепта иные. ^[5]

ПОМОЩНИКИ НЕВИДИМОГО МИРА

Существуют два источника, из которых идет вмешательство в человеческие дела, и в обоих случаях мы имеем дело с людьми, и даже с людьми не особенно отдаленными от нашего уровня. Первый источник — это те, кого мы называем умершими; мы их представляем себе в далеких областях, по это неверно; наоборот, они очень близко от нас и хотя в своем новом состоянии они не могут видеть наших физических тел, но зато они могут видеть наши астральные проводники и таким образом знать всё, что мы чувствуем и что нас волнует. Благодаря этому им известно, когда мы находимся в затруднении и нуждаемся в помощи, и бывает иногда, что они могут оказать нам эту помощь. Следовательно, здесь мы имеем неограниченное число возможных помощников, которые могут от времени до времени вмешиваться в человеческие дела. Но при этом не нужно забывать, что умерший человек отступает всё более внутрь себя и вследствие этого всё более удаляется от соприкосновения с земными вещами; и как раз наиболее развитые, а следовательно и наиболее способные помогать, принадлежат к тем, которые уходят из сферы земного влияния наиболее быстро.

И всё же существуют несомненные случаи, когда умершие вмешиваются в человеческие дела, и вероятно случаев этих гораздо больше, чем мы думаем, потому что они выражаются по большей части в виде внушения, сделанного живому человеку на физическом плане, причем последний остается в полном неведении, откуда пришло к нему удачное внушение. Иногда для цели, преследуемой умершим, ему необходимо стать видимым, и в этих редких случаях мы воочию убеждаемся в его любящей заботе о нас. Но нужно прибавить, что умерший далеко не всегда может стать видимым по своей собственной воле; возможно, что он много раз делал такие попытки без результата, в то время как мы и не подозревали его усилий помочь нам.^[6]

Второй источник помощи идет от тех, кто способен еще при жизни действовать сознательно на астральном плане, или, вернее сказать, пока они еще находятся в физическом теле, ибо слова "живой" и "мертвый" в действительности — одно великое недоразумение. В сущности это мы, запутанные в сети физической материи, погруженные в шумную темноту земной жизни, ослепленные густой завесой, которая закрывает от нас так много света и радости, разлитых вокруг — именно мы и являем собой "мертвых"; а вовсе не те, которые, сбросив с себя бремя плоти, становятся бесконечно более светлыми и свободными, чем мы.

Человек, продолжающий жить в физическом мире и научившийся действовать в астральном, а иногда и в ментальном теле, принадлежит обыкновенно к числу учеников упомянутых адептов. Ученики не могут делать дела Учителя; они еще не могут действовать свободно на тех высоких планах, где действует адепт, но они уже способны к сознательной деятельности на низших уровнях невидимого мира. Иногда бывает, что они видят человеческое бедствие или страдание, которое они могут облегчить, и тогда они помогают, насколько это в их силах. Они могут помогать одинаково и живым и мертвым, но необходимо помнить, что их деятельность ограничена известными условиями. Когда человеку дается возможность развить силы, делающие его способным на такую деятельность, возможность эта дается под известным условием. Условие это в том, чтобы никогда не употреблять своих новых способностей для личных целей, никогда не проявлять их для удовлетворения чьего-либо любопытства, никогда не проникать с их помощью в жизнь других людей, и никогда не производить феноменов на физическом плане. Он может передать весть "мертвому", но передавать его ответ "живому" он не имеет права без прямого указания на то со стороны Учителя. Он не может иметь никаких личных целей и должен помогать одинаково везде, где представляется возможность помочь.

Теперь посмотрим, каким образом производится эта помощь, где начинаются и где

кончатся её границы, и каким путем можно развить в себе способности, необходимые для такой деятельности.

Прежде всего, представим себе человека, освободившегося от своего физического тела во время сна. Он покидает его потому, что тело нуждается в полном отдыхе, тогда как сам человек, его душа, не нуждается в отдыхе, ибо не испытывает усталости. Устает только одно физическое тело. Когда мы говорим об умственной усталости, это в сущности недоразумение, ибо устает только мозг, а не ум.

Во сне человек действует в своем астральном теле вместо физического, которое в это время спит, тогда как сам человек продолжает бодрствовать. Если мы будем исследовать ясновидящим образом спящего дикаря, мы увидим, что он и сам почти в таком же сонном состоянии, в каком находится его тело; мы убедимся, что у него чрезвычайно мало сознания в его астральном проводнике. Он не способен удалиться на далекое расстояние от своего спящего тела, и если сделать попытку увлечь его насильно, он проснется в ужасе.^[7]

Если же мы будем исследовать культурного человека, мы найдем большую разницу: развитой человек не только не бессознателен в своем астральном теле, но наоборот, сознает вполне активно. Тем не менее, он может так же мало обращать внимания на окружающую среду, как дикарь, хотя и по совершенно другой причине. Дикарь неспособен видеть; культурный же человек до того поглощен своими собственными мыслями, что он тоже не видит, хотя способностью видеть он обладает вполне. Позади него расстилается длинный ряд жизней, во время которых он не употреблял в дело свои астральные способности, ибо способности эти выростали постепенно внутри него на подобие того, как цыпленок вырастает внутри яйца. Роль, какую в этом случае играет скорлупа, сыграла для него масса направленных на себя мыслей, в которую современный человек так безнадежно погребен. Каковы бы ни были те мысли, которые занимали его ум в течение истекшего дня, он продолжает творить их и во сне, и таким образом окружает себя такой плотной стеной своих собственных мыслей, что он не в состоянии видеть сквозь нее. Время от времени какой-нибудь сильный толчок извне, или какое-нибудь бурное желание изнутри, могут разорвать этот туман и дать ему возможность получить на мгновение определенное впечатление; но и в этом случае завеса смыкается почти мгновенно и он опять отделен от окружающей его среды.

Возможно ли разбудить его? Да, возможно и пробуждение может совершиться четырьмя различными способами: во-первых — медленный, но неизбежный ход эволюции рассеет в далеком будущем эту туманную завесу. Во-вторых, сам человек, узнав этот факт, может постоянными и настойчивыми усилиями рассеять туман изнутри и побороть инерцию своего астрального тела, происходящую от долгой бездеятельности. Он может, засыпая, твердо решить, что покидая свое тело, сам он непременно проснется и будет видеть всё, что окружает его. Это стремление является лишь ускорением естественного процесса и в нем нет ничего вредного, если при этом человек обладает и здравым смыслом, и развитыми нравственными качествами. Но если последние отсутствуют, он может подвергнуться большим бедствиям, потому что рискует с двух сторон: он может употребить во зло силы, которые он развил собственной волей, и может испытать страх в присутствии сил, которые он не в состоянии ни понять, ни контролировать.

В-третьих, случается иногда, что какое-нибудь неожиданное бедствие или нежелательный магический процесс разорвут окружающий его покров в такой степени, что он уже не может быть закрыт никогда. В таком случае человек может очутиться в том ужасном положении, которое так ярко описано Е. П. Блаватской в рассказе "Заколдованная жизнь" и лордом Бульвером Литтоном в его интересном романе "Занони".

В-четвертых, пробуждение это может совершить друг, знающий все особенности данного

человека и считающий его способным стать лицом к лицу со всеми опасностями астрального плана и начать работать с пользой на этом плане; он может подействовать на этот туманный покров извне и таким образом постепенно вызвать к жизни высшие способности своего друга. Но он никогда не сделает этого, пока не убедится вполне в его мужестве, преданности и в обладании всеми качествами, которые необходимы для бескорыстной и полезной деятельности. Если он всем этим обладает, он может присоединиться к группе невидимых помощников.

Если рассматривать деятельность таких помощников, ^[8] то мы убедимся, что она распадается на различные виды и большая часть её протекает не на физическом плане. Вернее всего разделить её на деятельность среди "живых" и среди "мертвых".

Легче всего принести помощь и утешение в случаях горя или болезни, и это можно делать постоянно, и при том так, что никто не узнает, откуда пришло облегчение.

Иногда делается усилие, чтобы примирить ссорящихся, или чтобы вызвать сближение между разошедшимися друзьями. Иногда оказываются возможным предупредить человека об угрожающей ему опасности и таким образом отклонить грозившую ему катастрофу. Бывают случаи, когда эти предупреждения касаются физических опасностей, но по большей части они направлены против опасностей нравственного характера. Бывают другие случаи, когда оказывается возможным указать человеку, что он вступил на дурной путь и таким образом помочь ему вернуться на лучший путь. Если невидимым помощникам известно, что одного из их друзей постигло какое нибудь бедствие, они будут поддерживать его и внушать ему бодрость и силу.

Во время больших стихийных катастроф невидимые помощники могут оказать разнообразную помощь пострадавшим от катастрофы, невидимо для них. Иногда является возможность спасти то или другое лицо, что и подало повод для тех рассказов, которые передают о чудесных избавлениях во время стихийных катастроф. Но такое спасение возможно только в том случае, если карма избавленного от опасности допускает продление его физической жизни, т. е. если закон причинности не требует, чтобы он уплатил свой долг именно таким образом. В большинстве же случаев помощь эта ограничивается усилием внушить мужество и нравственную силу при встрече с ожидающим потрясением, а затем — старанием облегчить состояние души при переходе её на астральный план.

ПОМОЩЬ УМЕРШИМ

Этот вопрос приводит нас к наиболее важному и разнообразному виду помощи — к помощи умершим. Но прежде чем понять этот, для большинства совершенно новый вид человеческой деятельности, мы должны отделаться от грубых и совершенно неверных идей относительно смерти и тех условий, в которые попадают умершие люди. Они не удаляются от нас в бесконечную даль, они не подвергаются внезапной перемене, они не превращаются в ангелов или демонов. Они остаются человеческими существами, не лучшими и не худшими, чем прежде; они сохраняют свою связь с нами и продолжают воспринимать наши чувства и мысли, хотя и иным способом, чем на земле; вот почему несдерживаемое горе при разлуке с умершим так вредно для него и так эгоистично. Умерший человек чувствует каждую эмоцию, проходящую по сердцу любимых людей, и если они отдаются неразумным образом своей печали, это набрасывает на него соответствующее облако уныния и делает его путь труднее, чем бы он был, если бы его друзья вели себя сдержаннее и сознательнее.

Существует различного рода помощь, которую можно разумными путями оказывать умершим. Большинство из них нуждается в пояснениях и указаниях относительно того нового мира, в который они перешли. В сущности, это прямая задача религии — прояснить, что ожидает человека после смерти и как он должен жить среди новых посмертных условий; но в большинстве случаев религиозные учения не дают никаких сведений о потустороннем мире, последствием чего является состояние тревоги у большинства переходящих в этот мир, а у некоторых даже настоящее чувство ужаса. Вследствие этого является необходимость успокоить и утешить их, ибо, когда они встречаются в астральном мире со страшными мыслеобразами, которые поддерживались в течение многих столетий представлениями народа, например с мыслеобразами о чёрте или о гневе, который приписывается неразумными людьми самому Богу — они нередко поддаются жалкому чувству страха, который не только весьма тягостен сам по себе, но и весьма вредно отзывается на их эволюции; страх этот бывает иногда так велик, что требуется много усилий, чтобы привести такие перепуганные души в более спокойное и разумное состояние.

Некоторые из перешедших в потусторонний мир получают по-видимому впервые возможность видеть себя такими, каковы они на самом деле, и благодаря этому они испытывают мучительные порывы раскаяния. И здесь указания невидимых помощников могут сыграть важную роль, так как выясняют физически умершему, что прошлое осталось позади и вся польза раскаяния заключается не в унынии, а в том, чтобы не делать того же в будущем; что совершённые ошибки не делают умершего "погибшей душой", а ведут к тому чтобы он стал сознательнее и мудрее и начал жить более правильной жизнью в будущем. Некоторые из умерших тянутся страстно к земле, на которой были сосредоточены все их мысли и интересы, и они сильно страдают, когда убеждаются, что навсегда оторваны от неё. Другие связаны с землёй сознанием преступления, которое они совершили, или мыслью об обязанностях, которые они оставили неисполненными, а иные испытывают сильную тревогу за оставленных ими близких людей. Во всех этих случаях можно помочь, уяснив страдающим истинное положение вещей; иногда же невидимому помощнику приходится предпринимать определенные шаги и на физическом плане, чтобы выполнить желание умершего и тем дать ему возможность успокоиться и направить внимание на высшие задачи.

В наше время большинство людей проявляет склонность видеть только темные стороны спиритизма; но не следует забывать, что именно спиритизм сделал много доброго в этом направлении, дав возможность умершим привести в порядок свои обязательства, внезапно

прекращенные неожиданной смертью.

Деятельность невидимых помощников происходит ночью, во время сна; если вспомнить, что мы считали ночь только временем отдыха, которое необходимо для физических сил человека, нельзя не порадоваться, что оно может быть не только не бездеятельным, но и полным полезной деятельности для человека внутреннего. Мне всегда казалось, что время, отдаваемое сну — потерянное время, о котором нельзя не пожалеть; но теперь я знаю, что природа распоряжается своими силами несравненно мудрее, чем нам это кажется, и вовсе не теряет даром целую треть человеческой жизни. Несомненно, что для сознательной деятельности во время сна требуются определенные качества; я уже говорил о них в другой моей книге,^[9] здесь же я только вкратце упомяну об этих качествах. Человек, желающий оказывать во время сна такую помощь, должен во-первых развить в себе сосредоточенность и цельность, и дело помощи другим должно быть для него первым и важнейшим долгом его жизни. Во-вторых, он должен достигнуть полного самообладания и уметь подчинять своей воле и настроения свои, и нервы. Он не должен позволять своим эмоциям влиять на свою деятельность хотя бы даже в самой незначительной степени; он должен вполне победить и гнев, и страх. В-третьих, он должен обладать полным спокойствием, ясностью и светлым настроением. Люди, склонные к унынию и к заботам бесполезны, ибо большая часть невидимой помощи состоит в успокоении других, а это невозможно, когда сам находишься всё время в вихре возбуждения или непрестанных тревог. В-четвертых, человек должен обладать знаниями; он должен научиться на физическом плане всему, что необходимо будет делать там, ибо в потустороннем мире время не тратится на то, что можно приобрести здесь, на земле. В-пятых, он должен быть совершенно бескорыстен; он должен подняться над самолюбивыми личными чувствами и не думать о себе, а только о своей задаче, и исполнять одинаково охотно и самое скромное дело, и самое большое, без тени ревности или самодовольства. В-шестых, он должен иметь сердце, полное любви — не сентиментальность, а могучее желание служить другим и стать проводником для божественной любви Бога, которая подобно его миру, превышает всякое человеческое представление.

Можно подумать, что это — задача недостижимая; но это сомнение происходит главным образом от новизны самой идеи невидимой помощи; правда, потребуется много времени, чтобы подготовиться к этой задаче, но время это не будет потеряно даром. Следует только не терять мужества и готовить себя к такой деятельности, не пропуская ни одного случая, который представляется время от времени каждому из нас. Нет человека, который бы не знал о каком-нибудь горе или бедствии, всё равно, среди живых или умерших; ложась спать, следует упорно удерживать мысль о страдающем человеке, и засыпать с твердой решимостью немедленно, как только освободишься от физического тела, направиться к страдающему и употребить все старания, чтобы облегчить и утешить его. Вы можете остаться в неведении относительно результатов ваших усилий, вы можете ничего не помнить после пробуждения, но будьте уверены, что ваша решимость не была бесплодной и всё равно — вспоминаете вы или не вспоминаете — ваше бескорыстное усилие не могло пройти даром. Со временем вы получите и доказательство, что это так. Не забывайте никогда, что как мы помогаем, так же помогают и нам; что начиная с низшей ступени бытия до самой высокой, мы все связаны неразрывной цепью взаимных услуг, и где бы мы ни стояли на ступенях великой лестницы эволюции, вершина её поднимается над земными туманами и возносится к свободному простору, где свет Божественной Жизни сияет, не погасая никогда.

Более подробные сведения можно найти в книге того же автора "По ту сторону смерти".

Самое большое расстояние планеты от Солнца.

"После смерти" А. Безант, "Астральный план" и "По ту сторону смерти" Ледбитера.

См. книгу Ч. Ледбитера "Ментальный план".

К этому следует еще прибавить, что весь смысл человеческой эволюции сводится к свободному развитию, которое происходит благодаря многообразному земному опыту, полному ошибок и прегрешений; но не будь этих ошибок, человек не мог бы развиваться самостоятельно.

Несколько таких случаев рассказано в книге Ледбитера "По ту сторону смерти".

Подробности этих опытов и описания разных типов сна даются автором в книге "Сны, что это такое и как они вызываются" — прим. ред.

Примеры такой деятельности и практические советы можно найти в книгах Ледбитера "Невидимые помощники" и "Внутренняя жизнь" — прим. ред.

Невидимые помощники.